

XX $\frac{160}{2}$ 1914

N 1-4, 6-7, 9-18

$$\begin{array}{r} \overline{XX} \quad \frac{160}{2.} \\ \hline \end{array}$$

sermon n° 5

$\frac{161}{2}$

ЦѢНА

10 Коп.

14. **НѢМЕЦКІЯ**
ЗВѢРСТВА

Въ книжномъ складѣ журнала

„20^й ВѢКЪ“

ПЕТРОГРАДЪ,

7-я Рождественская улица, домъ № 30,

продаются слѣдующіе роскошно-иллюстрирован-
ные сборники въ многокрасочныхъ обложкахъ:

1. Нѣмецкія звѣрства.

— Памятка для русскихъ людей съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ звѣрствъ, учиненныхъ нѣмцами надъ мирными русскими гражданами.

2. Карты театровъ войны.

Сборникъ всѣхъ картъ государствъ, въ предѣлахъ которыхъ происходятъ военныя дѣйствія.

3. Наша союзница Франція.

Этнографическій очеркъ, дающій возможность каждому ознакомиться съ жизнью великаго французскаго народа. Масса иллюстрацій.

4. Наша союзница Англія.

Этнографическій очеркъ, подробно знакомящій съ современнымъ состояніемъ, бытомъ и военно-морскою мощью Англіи. Масса иллюстр.

5. Кайзеръ Вильгельмъ въ анекдотахъ и нѣмцы въ карикатурахъ.

Сатирический сборникъ, безжалостно осмѣивающій нѣмцевъ во главѣ съ ихъ клоуномъ-кайзеромъ.

— Цѣна каждого сборника 10 коп. —

Продажа сборниковъ производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ
и провинціи и въ кіоскахъ на всѣхъ станціяхъ жел. дор.

Желающіе получить изъ конторы журнала „20-й ВѢКЪ“ по почтѣ заказной бандеролью, высылаютъ три 7-ми коп. почтовыхъ марки за каждый сборникъ. Наложеннымъ платежомъ сборники не высылаются.

Нѣмецкія звѣрства

Памятка для русскихъ людей.

Предисловіе.

Всѣ, кто читалъ газеты за время, прошедшее со дня объявленія войны, читали о дикихъ жестокостяхъ нѣмцевъ, совершаемыхъ ими не только на полѣ битвы, но и надъ мирными, безоружными жителями, надъ беззащитными женщинами, дѣтьми, надъ больными и старыми людьми.

Настоящій выпускъ — памятка этихъ звѣрскихъ поступковъ „гунновъ XX вѣка“, какъ справедливо называютъ теперь нѣмцевъ.

Никогда, никогда, никогда не посмѣютъ теперь нѣмцы кичиться своею пресловутой культурностью!

Никогда, никогда, никогда не забудетъ міръ, что эта культурность не помѣшала нѣмцамъ топтать ногами человѣческое достоинство, убивать и насиловать тѣхъ, кто не могъ ничѣмъ защитить себя, купаться въ крови слабыхъ, ругаться надъ тѣми, кто довѣрчиво поѣхалъ и повезъ свои деньги въ „культурную“ страну, бывшую родиной великихъ мыслителей, поэтовъ и ученых...

Настоящій выпускъ — обвинительный актъ противъ безстыдныхъ и подлыхъ насильниковъ, убійцъ и палачей...

Пройдетъ война, будутъ брошены и отчасти забыты газеты, но пусть у каждого русскаго чело-

Русскія женщины, замученныя пруссаками.

вѣка останется на память этотъ выпускъ, пусть каждый сохранить у себя эти страницы, гдѣ собраны факты, изобличающіе нѣмецкую низость и жестокость.

Нельзя забыть! Пусть кротко любвеобильно, всепрощающе русское сердце, но этихъ фактовъ нельзя забыть.

Кровь жертвъ вопіетъ къ намъ, мученія беззащитныхъ, гибель ихъ такъ ужасны, такъ жестоки, что мы не смѣемъ, не должны забывать и прощать.

И каждому нѣмцу, который посмѣетъ величаться передъ нами своей культурностью, достаточно только показать этотъ обвинительный актъ, чтобы заставить замолчать.

Не странно ли, не смѣшно ли, что эти люди смѣли упрекать насъ въ вандализмъ, насъ называть дикарями. Но кто же у насъ въ Россіи ругался, издѣвался надъ германскими подданными послѣ объявленія войны? кто билъ ихъ, оскорблялъ, кто позорилъ ихъ женъ, мучилъ ихъ или убивалъ?

Не читали ли вы о русскихъ солдатахъ, одаривавшихъ кто чѣмъ могъ нѣмецкаго плѣннаго? Не

читали ли вы о гуманномъ отношеніи ко всѣмъ германскимъ подданнымъ, о вѣжливомъ и внимательномъ обращеніи съ ними?

И это— послѣ нѣмецкихъ звѣрствъ.

Велика и чиста славянская душа, нѣтъ въ ней мѣста злобѣ и ненависти. И мы знаемъ, что неспособны мстить русскіе люди.

Но забывать все же нельзя. Память о жертвахъ нѣмецкой низости и грубости должны мы сохранить навѣки. И когда окончится война, Германія уже не будетъ для насъ тѣмъ, чѣмъ была.

Съ презрѣніемъ и ужасомъ будемъ мы относиться къ этой странѣ палачей, разбойниковъ, насильниковъ. И съ грустнымъ чувствомъ будемъ вспоминать ея великихъ сыновъ.

Увы, надо признать, что вся работа великихъ умовъ была безсильна освѣтить мракъ душевный, смягчить ужасающую грубость и низость, привитыя всему народу съ тѣхъ поръ, какъ Германія стала грозить міру своимъ бронированнымъ кулакомъ и мечтать о лаврахъ завоевательницы.

Страданія русскихъ путешественниковъ въ Германіи.

Замученная нѣмцами.

За нѣсколько дней до начала войны въ Берлинъ для лѣченія отправилась жена директора канцеляріи министерства путей сообщенія г-жа Туганъ-Барановская, которая была помѣщена въ одной изъ берлинскихъ лѣчебницъ.

Ожогі на лицѣ, которыми она страдала, требовали тщательнаго лѣченія и постоянныхъ перевязокъ; несмотря на это, нѣмцы тотчасъ послѣ объявленія войны предложили г-жѣ Туганъ-Барановской немедленно оставить лѣчебницу и отправиться въ Россію.

Не дождая до границы, г-жа Туганъ-Барановская подверглась грубому насилію со стороны нѣмцевъ, причѣмъ всѣ повязки съ ея лица были сорваны.

Измученная, въ конецъ больная, г-жа Туганъ-Барановская съ трудомъ прибыла въ Петербургъ, гдѣ несмотря на энергичную врачебную помощь, въ страшныхъ мученіяхъ скончалась.

Какъ намъ передаютъ, смерть г-жи Туганъ-Барановской послѣдовала отъ зараженія крови, явившейся слѣдствіемъ снятія съ лица повязокъ.

Русскія женщины безвинно заключенныя въ нѣмецкія тюрьмы.

Тяжкія страданія перенесли въ Бреславль многія русскія женщины.

Нѣмецкіе жандармы набрасывались на беззащитныхъ русскихъ женщинъ—подвергали ихъ избіенію и препровождали въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ русскихъ женщинъ продержали нѣсколько дней—заключенныя за все это время были лишены какой-либо пищи.

Лишь на третій день истомленныхъ отъ голода и жажды женщинъ и дѣтей вынесли изъ тюрьмы.

Всего заключенныхъ въ бреславльской тюрьмѣ женщинъ и дѣтей оказалось свыше 500 человекъ.

Въ камерахъ происходили, по рассказамъ вернувшихся изъ-за границы русскихъ женщинъ, возмутительнѣйшіе акты издѣвательствъ и оскорбленій со стороны нѣмецкихъ жандармовъ.

Въ бреславльской тюрьмѣ осталось по словамъ вернувшихся, около 500 русскихъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 43 лѣтъ.

Всѣмъ арестованнымъ было заявлено бреславльскими властями, что ихъ переведутъ изъ тюрьмы въ бреславльскую цитадель, въ которой они будутъ задержаны въ качествѣ военно-плѣнныхъ до окончанія войны.

Ребенокъ, растоптанный толпой на глазахъ матери.

Прибывшій черезъ Торнео изъ Германіи, купецъ А. А. Кипперъ передаетъ о слѣдующемъ фактѣ.

Въ Германіи для выѣзжающихъ русскихъ былъ поданъ поѣздъ. Тол-

па стремительно бросилась въ вагоны.

Одна дама, имѣя на рукахъ 10-ти мѣсячнаго ребенка, нечаянно толкнула прусскаго желѣзнодорожнаго жандарма.

Не долго думая, жандармъ вырвалъ изъ рукъ матери ребенка и бросилъ его въ толпу.

Передніе ряды, неудержимо толкаемые задними, не могли остановиться и растоптали ребенка на смерть.

Мать при видѣ происшедшаго помѣшалась. Ее тѣмъ не менѣе взяли въ вагонъ и довели до Копенгагена, гдѣ она помѣщена въ психіатрическую больницу.

Искалѣченная мать.

Московскій купецъ Х—нъ передалъ, что на одной изъ станцій вблизи Берлина, при подходѣ поѣзда женщина съ груднымъ ребенкомъ передъ окнами вагоновъ со слезами молила впустить ее въ вагонъ.

Не успѣла она войти, какъ проводникъ захлопнулъ дверь отъ вагона, причѣмъ отбилъ ей четыре пальца правой руки.

Крикъ женщины огласилъ весь вагонъ. Возмущенные русскіе при отходѣ поѣзда бросили графинъ съ водой въ голову проводника.

На слѣдующей станціи въ вагонъ вошли полицмѣны, которые задержали по подозрѣнію двухъ пассажировъ.

Гнусное насиліе австрійскихъ офицеровъ надъ русской дѣвушкой.

Прибывшій изъ Карлсбада московскій банкиръ г. П. рассказываетъ о новыхъ звѣрствахъ нѣмцевъ.

Мытарства г. П. и его спутниковъ начались съ субботы 19 іюля, когда онъ выѣхалъ изъ Берлина. До границы Даніи ихъ везли 10 дней.

Въ теченіе этихъ 10 дней нѣсколько десятковъ русскихъ, въ числѣ которыхъ были г. П. и его 16-лѣтняя дочь, голодали. Но гораздо мучительнѣе голода была жажда: несчастнымъ отказывали въ самыхъ ничтожныхъ дозахъ воды.

На одной изъ станцій они замятили стоящую въ углу перрона кадку, очевидно, съ дождевой водой. Несчастные со всѣхъ ногъ бросились къ ней, но ихъ опередилъ прусскій офицеръ, который пинкомъ ноги перевернулъ кадку на землю и разлилъ воду по перрону.

Въ теченіе 10 дней, которые понадобились, чтобы покрыть расстояние отъ Берлина до пограничной съ Даніей станціи, обычно покрываемое въ 14 часовъ, поѣздъ, въ которомъ ѣхали русскіе, много разъ останавливали, возвращали назадъ, выгружали среди поля или въ небольшихъ деревушкахъ, заставляли ночевать въ хлѣбахъ, въ сырой травѣ.

Потомъ, русскихъ снова загоняли въ вагоны и везли дальше. За эти 10 дней изъ ихъ партіи сошло съ ума шесть человѣкъ: пять женщинъ и одинъ мужчина.

Самый кошмарный случай произошелъ на станціи Рюгенъ.

16-лѣтнюю дочь г. П., отправившуюся умыться въ уборную вагона, подкараулили два австрійскихъ, — именно австрійскихъ, — подчеркиваетъ г. П., — офицера. Взломавъ дверь, они направили на дѣвушку револьверы и стали поочередно насиловать ее.

На крики несчастной прибѣжалъ ея отецъ и нѣсколько русскихъ. Никакія мольбы не имѣли успѣха.

Вѣсть о томъ, что вооруженные австрійскіе офицеры глумятся надъ беззащитной дѣвушкой въ присутствіи безоружныхъ русскихъ, облетѣла весь поѣздъ.

Двое русскихъ, у которыхъ, несмотря на всю тщательность производимыхъ нѣмцами обысковъ, уцѣлѣли — у одного револьверъ, у другого ножъ, — бросились туда, откуда неслись плачъ и крики, но дороге имъ преградили сами же русскіе, преимущественно женщины, на колѣняхъ умолявшіе ихъ не пока-

зываться и не показывать своего оружія.

Всѣ были увѣрены, что за малѣйшее сопротивленіе всѣ пассажиры поѣзда будутъ разстрѣляны.

Дочь г. П. лишилась разсудка.

Самъ г. П. — человѣкъ далеко еще не старый, совершенно посѣдѣлъ отъ ужаса, пережитаго за эти полчаса.

По прибытіи въ Швецію, мытарства несчастныхъ кончились. Какъ и всѣ другіе, г. П. со слезами благодарности говоритъ о той внимательности чуткаго состраданія, которой окружали шведы бѣглецовъ изъ Германіи.

По прибытіи въ Москву, г. П. устроилъ тамъ лазаретъ для раненыхъ въ память своего короткаго пребыванія въ Швеціи.

Какъ передаетъ г. П., въ числѣ его спутниковъ, было много титулованныхъ лицъ, хорошо извѣстныхъ въ Петербургѣ. Одна изъ нихъ — баронесса Лиліенсхольдъ, — сошла съ ума. Ее пришлось оставить въ Торнео.

Оскорбленія и издѣвательства надъ русскими женщинами въ Германіи.

Н. И. Гучковъ рассказываетъ со словъ очевидцевъ, пріѣхавшихъ въ Москву изъ Берлина, что позволяютъ себѣ нѣмцы по отношенію къ отѣзжающимъ русскимъ...

— Это прямо ужасно! — говоритъ Н. И. Гучковъ, весь дрожа отъ негодованія, — и вѣдь, главное то все происходитъ не гдѣ-нибудь въ захолустьи, а въ столицѣ Германіи — Берлинѣ!

Нѣмцы стаскивали съ головъ отѣзжающихъ русскихъ дамъ шляпки, стаскивали со шпильками, прядями волосъ, и затѣмъ выхватывали изъ рукъ ихъ ручной багажъ и били ихъ по головѣ!

А вотъ что рассказываетъ мнѣ пріѣхавшій сегодня въ Москву Г — къ. Отъ всѣхъ уѣзжавшихъ въ Россію отняли багажъ, а самихъ ихъ заставили идти пѣшкомъ верстъ шесть.

Когда, наконецъ, успѣли въ вагонъ, то произошла слѣдующая сцена. Въ одномъ вагонѣ съ Г-мъ ѣхала мать съ дочерью-дѣвушкой.

Въ вагонъ врывается нѣмецкій пьяный офицеръ и, подойдя къ дѣвушкѣ, хватаетъ ее за горло и говоритъ по-нѣмецки: „Полюби меня! А потомъ я тебѣ разможу голову вотъ этой шашкой!“ Дѣвушка отъ ужаса упала въ обморокъ.

Прибывшія въ Петербургъ женщины съ ужасомъ рассказываютъ о

тѣхъ мученіяхъ, которыя выпали на ихъ долю въ Германіи.

Берлинскіе полицейскіе и солдаты врывались по ночамъ въ гостиницы, гдѣ жили русскіе, и производили безсмысленные обыски.

Несмотря на протесты, солдаты врывались въ спальни и стаскивали съ кроватей раздѣтыхъ женщинъ.

То же самое происходило и въ поѣздахъ.

Нѣмцы, не щадя женской стыдливости, заставляли русскихъ дамъ раздѣваться до нага.

Въ одной русской дамѣ, обладающей очень высокимъ ростомъ, нѣмцы заподозрили переодѣтаго русскаго солдата.

Несмотря на возмущеніе находившагося въ этомъ же вагонѣ сенатора графа Палена, нѣмцы, въ присутствіи мужчинъ, совершенно раздѣли даму.

Въ ста километрахъ отъ Берлина, на станціи Ней-Стрелецъ пассажировъ выкинули изъ поѣзда и погнали подъ охраной солдатъ за полторы версты въ казармы драгунскаго полка. Здѣсь русскіе пассажиры были встрѣчены драгунами, которые избили ихъ прикладами.

Затѣмъ начался обыскъ, но обыскивали только женщинъ и притомъ наиболѣе молодыхъ. Обыскъ производили трое лейтенантовъ подъ громкій хохотъ товарищей и солдатъ.

Присутствовалъ здѣсь и командиръ полка. Онъ не только не запрещалъ офицерамъ оскорблять дамъ, но всячески имъ потакалъ.

Сцены этого обыска настолько возмутительны, что вызвали громкій протестъ со стороны русскихъ мужчинъ. Генераль приказалъ имъ молчать, угрожая всѣхъ перестрѣлять.

Одинъ изъ лейтенантовъ такъ увлекся обыскомъ молодой барышни, что ея отецъ не вытерпѣлъ, подбѣжалъ къ офицеру и далъ ему пощечину.

Несчастнаго отца командиръ полка приказалъ схватить и его тутъ же на глазахъ русскихъ пассажировъ разстрѣляли.

Прибывшая изъ Германіи черезъ Торнео жена* судебного дѣателя г-жа Д., подтверждаетъ, что въ Пруссіи многихъ русскихъ женщинъ обыскивали самымъ грубымъ образомъ.

Молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ раздѣвали до нага.

Двухъ дочерей екатеринославскаго помѣщика Н. (одна изъ нихъ институтка) жандармы раздѣли въ присутствіи ихъ матери, а когда по-

слѣдняя стала протестовать, то раздѣли и ее.

Платье женщинъ было унесено изъ камеры „для болѣе тщательнаго обыска“.

Болѣе часа женщины сидѣли въ своей тюремной камерѣ нагими и стражники съ грубымъ смѣхомъ смотрѣли на нихъ черезъ дверное окошко.

По прибытіи въ Копенгагенъ г-жа N написала мѣстному германскому посланнику письмо, въ которомъ называетъ его „представителемъ варваровъ“ и совѣтуетъ переименовать „Deutschland“ въ „Toiland“ (страну безумцевъ) и на гербѣ вмѣсто чернаго орла изображать черную ворону—символь низкаго хищничества.

Еще загубленныя нѣмцами русскія женщины.

Инженеръ Л. А. Загорскій рассказываетъ слѣдующее о мытарствахъ русскихъ путешественниковъ, застигнутыхъ войной за границей:

Убѣжавшіе въ Лондонъ изъ Германіи путешественники рассказываютъ о частыхъ случаяхъ изнасилованія нѣмецкими офицерами русскихъ дѣвушекъ и даже малолѣтнихъ.

Въ Сасницѣ высылаемыхъ русскихъ путешественниковъ заперли въ стойлахъ, гдѣ производится убой скота.

Одна дѣвушка, попавшая туда, обратила на себя вниманіе тѣмъ, что у нея были острижены волосы.

Въ ней заподозрили переодѣтаго мужчину и куда-то увели для освидѣтельствованія.

Привели ее обратно со слѣдами изнасилованія и въ тяжеломъ столбнякѣ.

При отправкѣ этой партіи нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ дѣвушка куда то внезапно исчезла.

Предполагаютъ, что ее убили, чтобы избѣжать лишнихъ разговоровъ.

Жестокое обращеніе съ русскими путешественниками.

Вотъ что рассказываетъ о мученіи русскихъ въ Германіи, возвратившаяся оттуда гр. В. П. Канкринъ.

— 18 іюля,—рассказываетъ графиня,—мы выѣхали изъ Гамбурга въ Сталюпененъ; на всѣхъ остановкахъ русскимъ путешественникамъ, переполненнымъ вагоны поѣзда до того,

что въ отдѣленія для шести человѣкъ набивалось до 18 пассажировъ, приходилось переносить грубыя издѣвательства Пруссаконъ.

Въ нашей группѣ было около двухсотъ человѣкъ и почти всѣ не простые туристы, а больные люди, проходившіе курсъ лѣченія въ разныхъ германскихъ курортахъ.

Лишенія были по истинѣ жестоки. Нельзя было достать стакана воды, за сухой бутербродъ платили до десяти марокъ.

Моему мужу было обѣщано въ Сталюпененѣ, что нашу партію пропустятъ безпрепятственно черезъ всѣ пикеты до самаго Эйдкунена.

Тронулись въ путь; большинство пѣшкомъ, наиболѣе слабыя на подводахъ. Около четвертаго пикета насъ догналъ велосипедистъ и по привезенному имъ распоряженію солдаты пикета потребовали, чтобы мы шли обратно въ Сталюпененъ и навели на насъ свои ружья.

Измученные, тронулись въ путь и кое-какъ размѣстились, буквально вповалку, въ мѣстныхъ гостиницахъ.

На утро направили насъ въ Кенигсбергъ. Во всѣхъ вагонахъ наглухо закрыли окна и двери; духота была такая, что голова кружилась у здоровыхъ и сильныхъ людей.

Въ 10 часовъ вечера приѣхали въ Кенигсбергъ. Всѣхъ насъ вывели на платформу и мы должны были на голыхъ камняхъ ждать, когда насъ отправятъ дальше.

Въ четыре часа утра подали поѣздъ, снова набили нами вагоны и, заперевъ насъ на ключъ и для большей жестокости даже не открывъ уборныхъ, заставили промучиться до 10 ч. утра.

Не передать того ужаса, который творился въ вагонахъ, гдѣ скоро стало нечѣмъ дышать.

Съ нами ѣхалъ больной и слабый генералъ В. Каульбарсъ; его мученія терзали насъ невыносимо.

Изъ Кенигсберга насъ перевезли въ Браунсбергъ.

Ночевки здѣсь были сплошнымъ адомъ. Сердце разрывалось отъ жалости, глядя на слабыхъ больныхъ женщинъ, на страдавшихъ несчастныхъ дѣтей.

Въ Петербургѣ въ обществѣ мы встрѣчались съ генераломъ Дона-Шлобиттенемъ, состоявшимъ при Особѣ Государя Императора. Онъ вспомнилъ о насъ, узнавъ, что мы находимся въ Браунсбергѣ, и телеграфировалъ начальствующимъ лицамъ съ просьбою облегчить наше

положеніе, зная болѣзненное состояніе моего мужа и меня самой.

Къ намъ вошелъ тогда прусскій офицеръ и, бросивъ лишній пукъ соломы, сказалъ, что этотъ „комфортъ“ онъ намъ предоставляетъ только благодаря заступничеству генерала Шлобиттена.

Въ Браунсбергѣ пытаются еще кое-какъ можно было лишь первое время.

Скоро, однако, продуктовъ въ городѣ стало такъ мало, что о покупкахъ нечего было и думать; къ тому же наша партія увеличилась до шестисотъ человѣкъ; питались съвернымъ сухимъ хлѣбомъ, запивая его затхлою водою.

— Съ кошмарнымъ ужасомъ,—заканчиваетъ свои слова гр. Канкринъ,—вспоминаю я о тѣхъ мученіяхъ, которыя пришлось пережить дѣтямъ и женщинамъ, объ униженіяхъ почти каждагодневнаго обыска, о возмутительномъ цинизмѣ прусскихъ офицеровъ при обыскѣ женщинъ, послѣ которыхъ онѣ бывали потрясены до сумасшествія.

Глумленья, издѣвательства и побои.

О глумленьяхъ, издѣвательствахъ, оскорбленіяхъ и побояхъ, которымъ русскіе подверглись въ предѣлахъ Германіи, рассказываетъ одинъ изъ прибывшихъ Русскихъ, вице-адмиралъ Ц.

— Передъ объявленіемъ войны въ Швейцаріи, какъ и всегда, жило много лѣчившихся въ курортахъ, среди которыхъ, помимо русскихъ, было много англичанъ, датчанъ, шведовъ, и др. Когда стало извѣстнымъ, что Швейцарія мобилизуется,—это было 18 іюля,—всѣ иностранцы стали собираться, чтобы поспѣть до запрещенія выѣзда.

19 іюля уже не выдавали билетовъ на Базель, такъ что пришлось ѣхать на Берлинъ, черезъ Штутгартъ и Шафгаузенъ.

Нѣмцы сажали насъ въ вагоны для скота.

На слѣдующій день мы добрались до Берлина. Съ нами ѣхалъ молодой графъ С. съ женой. Въ Берлинѣ намъ нужно было пересаживаться на Штеттинскій вокзалъ.

На вокзалѣ мы пробовали купить что-нибудь въ буфетѣ, такъ какъ не ѣли ничего двое сутокъ. Лишь только кто-либо изъ насъ подходилъ къ буфету, тотчасъ же и отскакивалъ отъ него.

Потрясая кулаками, жирные, наглые нѣмцы кричали:

— Вонъ отсюда, русскія свиньи, если не хотите быть избитыми!..

Около вокзала разбросано много кафе. Думали тамъ что-нибудь купить. Еще хуже. Всѣ кафе биткомъ набиты пьяными хулиганами, сыщиками и какимъ-то отбросомъ, который ранѣе ютился на окраинахъ города.

Всѣхъ тѣхъ, кто подходилъ къ кафе, вся эта пьяная банда оскорбляла не только словами, но и дѣйствіями, а иныхъ хватали и куда-то волокли...

Наконецъ, около пяти часовъ утра, голодные, усталые отъ трехъ бессонныхъ ночей, мы выѣхали на Варнемюнде съ тѣмъ, чтобы съ первымъ пароходомъ добраться до береговъ Даніи. Вотъ тутъ-то и начинается.

Оставшихся въ Варнемюнде подъ конвоемъ обыскивавшей пассажировъ банды отправили въ казармы.

Мы всѣ были обезсилены голодомъ и бессонными ночами, особенно женщины и дѣти. Естественно, многіе отставали. Ихъ „подгоняли“ прикладами, кулаками, ножнами отъ шашекъ.

Отстаеетъ старикъ... Разъ!.. Раздается глухой ударъ въ спину прикладомъ. Онъ со стономъ валится на землю.

Съ женщинами истерика. Дѣти надрываютъ душу нечеловѣческими криками. Съ нѣкоторыми происходитъ буквально столбнякъ. Картина ужасная.

А вслѣдъ намъ раздавалась ругань, самая отборная, толстыхъ безобразныхъ нѣмокъ. Онѣ подбодряли озвѣрѣвшихъ солдатъ и жандармовъ криками:

— Бей ихъ, русскихъ свиней. Научи ихъ, мерзавцевъ, маршировать!..

И тѣ, подбодренные, били...

Такая сцена.

Какой-то господинъ во время „обыска“ на ст. Варнемюнде впопыхахъ захватилъ чей-то свертокъ. По дороге въ казармы онъ развернулъ свертокъ, увидѣлъ, что это не его вещи, и бросилъ его въ сторону.

Это замѣтилъ полицейскій и спустилъ на него полицейскую собаку. Моментъ и та вцѣпилась этому господину въ горло. Въ слѣдующій моментъ онъ лежалъ на землѣ, а на немъ собака.

Она терзала его, какъ тряпку, грызла лицо, которое моментально превратилось въ одну сплошную рану. Пока на его крики подошелъ полицейскій чинъ, онъ былъ буквально весь истерзанъ собакой.

Я не могу описать того, что произошло тогда. Женщины лишались сознания, дѣти судорожно впились руками въ первого попавшагося, моля о защитѣ.

Случалось, что они цѣплялись за полицейскихъ, и тѣ отбрасывали ихъ, какъ собакъ...

Добрались до Ростокъ. Намъ запретили разговаривать въ вагонѣ и открывать окна.

Когда мы остановились въ Ростокѣ, нѣмецкіе вахтеры раскрыли въ вагонахъ окна и, что было мочи, въ длинныя трубы стали играть „Стражу на Рейнѣ“.

Получалось что-то дикое, что совершенно оглушало и доводило до новыхъ истерикъ...

Въ Ростокѣ насъ раздѣлили по возрасту: мужчинъ до 50 лѣтъ, а также всѣхъ докторовъ, оставляли въ качествѣ военноплѣнныхъ, а старше — отпускались...

И вотъ мы кое-какъ, благодаря любезности Э. Нобеля нанявшаго на свои средства шведскій пароходъ, добрались до Россіи... („П. Г.“)

Тяжкій путь на родину.

36 русскихъ, преимущественно женщинъ, изъ Баденъ-Бадена и другихъ южно-германскихъ курортовъ, между ними супруга намѣстника на Кавказѣ, гр. Воронцова-Дашкова съ дочерьми, графиней Шереметьевой и Демидовой, г-жа Побѣдоносцева, графиня Орлова-Давыдова, шталм. бар. Вольфъ, шт. бар., Кноррингъ, бывшій посланникъ въ Дармштадтѣ, и его семейство, уѣхали 21 іюля съ шталмейстеромъ бар. Конррингомъ во главѣ.

До Франкфурта все шло благополучно. Между Франкфуртомъ и Гамбургомъ, когда поѣздъ былъ переполненъ штатскими и военными путешественниками, русскіе были обнаружены и арестованы военными властями.

Всѣ вмѣстѣ со своимъ багажомъ должны были высадиться за три станціи до Гамбурга. Только вслѣдствіе настоятельной просьбы бар. Кнорринга, имъ было разрѣшено доѣхать до главнаго вокзала Гамбурга, гдѣ всѣ они подъ военной стражей были приведены въ кордегардію вокзала.

Здѣсь произведена была ревизія паспортовъ чиновниками политической полиціи, и вещи были обысканы; послѣ этого они были отпущены въ Atlantic Hotel, гдѣ вслѣдствіе

недостатка поѣздовъ, оставались до пятницы вечера.

Благодаря энергичнымъ стараніямъ испанскаго ген. консула Велеса, Кноррингу удалось получить необходимое разрѣшеніе для его спутниковъ, въ распоряженіе которыхъ были предоставлены вагоны до датской станціи Вамдрупъ и были даны для охраны два чиновника Альтонской полиціи.

Въ Гамбургѣ къ нимъ присоединился чл. Гос. Сов. Шебеко. До Неймюнстера путешествіе снова шло благополучно, но въ послѣднемъ Шебеко былъ неожиданно арестованъ, на основаніи телеграммы, полученной изъ Берлина, и силой выведенъ изъ вагона.

Это происшествіе вызвало сильнѣйшее волненіе среди русскихъ, вслѣдствіе чего они были замѣчены собравшейся на вокзалѣ публикой, которая вела себя какъ сумасшедшая, въ особенности неистовствовали по отношенію къ русскимъ санитары и сестры милосердія.

При этомъ была грубо оскорблена графиня Воронцова-Дашкова, въ тотъ моментъ, когда она вышла въ сосѣднее отдѣленіе для того, чтобы сообщить объ арестѣ Шебеко.

Толпа кричала: „Эта женщина хочетъ что-то спрятать“, и требовала обыска.

Пьяные солдаты ландвера съ сигарами въ зубахъ полѣзли въ вагоны, вытолкали графиню ударами прикладовъ на платформу и грубо обыскали ее, хватая за волосы и за платье.

Толпа совершенно озвѣрѣла, орала, гикала, не позволяла поѣзду отойти, такъ что всѣ русскіе съ багажомъ должны были выйти и лишь послѣ долгихъ переговоровъ удалось отправить поѣздъ.

При этомъ начальникъ вокзала заявилъ барону Кноррингу, передававшему ему паспортъ и билетъ Шебеко, что русскимъ и безъ того уже дѣлается слишкомъ мало затрудненій и что онъ постарается, чтобы имъ въ пути было сдѣлано еще больше препятствій.

На слѣдующей станціи Рендсбургъ русскіе снова должны были остановить поѣздъ и были окружены ротой солдатъ, подвергшихъ ихъ обыску.

На станціи Фленсбургъ обыска произведено не было, но русскій вагонъ былъ отцѣпленъ и находился въ теченіе четырехъ часовъ подъ строгимъ военнымъ надзоромъ.

Наконецъ, удалось достигнуть пограничной станціи Войенсъ, гдѣ

пришлось ждать отъ 5 до 12 час. ночи.

Барону Кноррингу тѣмъ не мѣнѣе удалось добыть локомотивъ, который съ двумя пассажирскими и однимъ багажнымъ вагонами въ 8 час. 30 м. и достигъ Вамдрупа, откуда путешествіе уже шло благополучно по датской территоріи до Копенгагена.

Здѣсь всѣ возблагодарили Господа за спасеніе изъ вражеской страны.

Путешествіе длилось 7 дней отъ Бадень-Бадена до Копенгагена.

Членъ Гос. Совѣта Шебеко долженъ былъ сначала оставаться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на вокзалѣ въ Неймюнстерѣ, гдѣ солдаты съ примкнутыми штыками сторожили его на глазахъ у всей публики, причемъ озвѣрѣлая толпа все время кричала: „Разстрѣлять его“.

Послѣ этихъ долгихъ и мучительныхъ часовъ Шебеко былъ отправленъ въ тюрьму для обыкновенныхъ преступниковъ, гдѣ у него все было отобрано и онъ былъ заключенъ въ арестантскую камеру.

Здѣсь онъ оставался въ теченіе 24 часовъ и, послѣ того, какъ былъ освобожденъ, получилъ согласно собственной просьбѣ, военную охрану до датской границы.

Обстрѣлъ нѣмцами русскаго поѣзда.

Вернувшійся изъ Берлина русскій инженеръ, съ трудомъ вырвавшійся изъ Германіи съ послѣднимъ поѣздомъ, рассказываетъ, что путешествіе до русской границы было прямо страницей Дантова ада.

Перенеся рядъ лишеній и измучившись физически и нравственно отъ придирокъ и притѣсненій нѣмецкой администраціи, русскіе были въ Кюстринѣ высажены изъ вагоновъ, а багажъ ихъ выброшенъ на полотно.

Искали какихъ-то шпионовъ и производилъ повальный обыскъ пассажировъ и ихъ багажа.

Даже женщины и дѣти были высажены на дебаркадеръ среди ночи. Продержавъ русскихъ подъ открытымъ небомъ нѣсколько часовъ, нѣмцы, наконецъ, смилостивились и разрѣшили ѣхать дальше.

Къ счастью не ушелъ еще предыдущій поѣздъ, и несчастные путники биткомъ набились въ вагоны.

До какой степени доходитъ озлобленіе къ намъ „добраго и культурнаго“ Михеля, показываетъ такой фактъ:

Въ Кенигсбергѣ изъ какой-то лечебницы была принесена прямо изъ операціонной пожилая дама и помещена въ товарный вагонъ.

Нѣмцы, по ея словамъ, не пожелали оставить ее. Не доѣзжая Эйдкунена, русскіе снова были высажены и должны были версты четыре идти пѣшкомъ. Большинство потеряло весь свой багажъ.

Въ Вержоловѣ нѣмцы обстрѣливали вокзалъ. Пули свистали на платформѣ.

Поднялась паника. Публика бросилась во внутреннія помѣщенія.

Вагоновъ не было. Были поданы товарные вагоны, многіе со слѣдами навоза. Подъ нѣмецкими выстрѣлами пришлось проѣхать часть пути. Только въ Ковнѣ удалось пересѣсть въ пассажирскіе вагоны.

Женщины и дѣти въ нѣмецкомъ плѣну.

Скульпторша Диллонъ — о злостныхъ среди нѣмцевъ.

— Приѣхала я въ Берлинъ изъ Франценсбада 19 іюля. Здѣсь творилось нѣчто невообразимое и до того жуткое, что я не рѣшилась зайти въ кафе просить себѣ чашку кофе, мнѣ казалось, что меня сейчасъ узакуютъ и растерзаютъ.

Однако, на Эйдкуненѣ билетъ я получила. На вокзалѣ дѣлалось что-то невообразимое: поѣздъ, гдѣ были одни почти военные, носильщиковъ не было, паника ужасная, одни теряли своихъ дѣтей, другіе своихъ матерей или мужей. Молоденькая дѣвушка попала въ поѣздъ гдѣ были одни почти военные, и отецъ ея въ отчаяніи не могъ добиться, куда она уѣхала, — телеграммъ не принимали и не отвѣчали на вопросы.

20 іюля (2 августа). Станція Столюпененъ и крикъ: „Всѣ вонъ!“ До границы еще 12 верстъ. Насъ 248 человѣкъ, полная растерянность! Являются героини, двѣ дамы, которыя идутъ пѣшкомъ и готовы подставить грудь подъ пули, лишь-бы выручить своихъ соотечественниковъ.

Вдругъ появилось нѣсколько солдатъ, которые окружили насъ, подвели къ полиціи, и, посмотрѣвъ 10—12 паспортовъ, вдругъ рѣшили, что мы здѣсь должны ночевать.

Помѣстили насъ въ громадномъ помѣщеніи кинематографа, гдѣ мы кое-какъ поужинали, такъ какъ были всѣ страшно голодны, и улеглись на голомъ полу или на стульяхъ.

Въ Кенигсбергѣ.

21 іюля (3 августа). Прошла ночь; полная неизвѣстность и растерянность! Кромѣ солдатъ — никого. Такъ проходитъ до 4 часовъ дня; вдругъ приходитъ офицеръ и командуетъ идти къ вокзалу. Насъ впахиваютъ въ вагоны четвертаго класса по 30 и болѣе человѣкъ. Къ вечеру подъѣзжаемъ къ Кенигсбергу; входитъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ въ вагонъ и объявляетъ намъ, что въ Кенигсбергѣ будутъ разсмотрѣны наши паспорта и у кого бумаги окажутся въ порядкѣ, тѣ будутъ освобождены отъ конвоя и могутъ ѣхать на западъ и остаться въ странѣ, но отнюдь не на востокъ Германіи.

Мы были всѣ истощены отъ голода и, въ особенности, отъ жажды. Со многими дѣлались обмороки. Баронъ Каульбарсъ чуть не умеръ отъ приступа астмы, а графиня Канкрина, совершенно больная женщина, также была въ глубокомъ обморокѣ и, несмотря на это, невозможно было получить и капли воды.

Ждали казаковъ.

Въ 10 часовъ вечера остановились на станціи Кенигсбергѣ. Здѣсь насъ высадили изъ вагоновъ и мы были моментально окружены густой шпалерой войска, съ обнаженными на голо штыками. Оказалось, что ждали прибытія плѣнныхъ казаковъ. Офицеры были, очевидно, сконфужены, когда увидѣли, какіе это казаки, и заставили солдатъ немного разступиться и опустить оружіе. Прошла опять ужасная ночь въ тѣсныхъ, душныхъ вагонахъ. Наконецъ, послѣ 24-часовой ѣзды мы очутились на станціи „Браупсбергъ“. Не говоря намъ ни слова, насъ выстроили по пяти человѣкъ и въ сопровожденіи солдатъ повели по довольно большому городу, почти на окраину его. Насъ привели въ помѣщеніе народнаго училища для мальчиковъ.

Опять проходитъ томительный день, за рѣшеткой огромнаго двора этого училища. Огромная толпа народа смотритъ на насъ, какъ на дикихъ звѣрей. Унылые и обезкураженные, улеглись мы опять на нашихъ соломенныхъ ложахъ. Дѣти, старики и слабые больные успѣли заснуть, какъ вдругъ опять новый окрикъ: „Всѣ вонъ!“ И вотъ, дрожащихъ отъ холода и испуга дѣтей и старухъ поднимаютъ. Не успѣли мы, пѣшеходы, двинуться къ вок-

залу, какъ получается новый приказъ не выпускать насъ.

На слѣдующій день насъ снова заперли въ страшные вагоны. Опять та-же духота и жажда. Подъѣзжаемъ къ Штеттину, но двери нашихъ вагоновъ не открываются. Просто-явъ у станціи довольно долгое время, насъ переводятъ на другой путь и мы опять ѣдемъ неизвѣстно куда.

Послѣ 34-часовой ѣзды насъ высадили, уже ночью, на ст. Стральсундъ.

На островѣ.

Шель дождь, было темно. Насъ партіями переправили черезъ паромъ на маленькій островокъ и мы очутились въ мрачной, сырой рошѣ и оттуда доплелись до единственного на этомъ островѣ строенія, которое оказалось казармой. Насъ повели въ огромный сарай, съ сырмъ землянымъ поломъ, который былъ устланъ соломой, пыль отъ нея стояла столбомъ. Мы буквально бродили въ густомъ туманѣ, не видя передъ собой почти ничего. Все это было такъ ужасно, что всѣ мы, зарывшись въ соломѣ, стали рыдать какъ дѣти.

На другое утро всѣ чихали и кашляли. Оказалось, что тутъ ночевали еще 200 слишкомъ человекъ, другой партіи, такъ что вмѣстѣ мы составляли толпу въ 500 человекъ.

Лишнее упоминать, что ѣда, предложенная намъ изъ котла, не могла удовлетворить даже менѣе взыскательный вкусъ, чѣмъ нашъ. Трогательно было видѣть безропотную покорность судьбѣ такихъ изнѣженныхъ и больныхъ людей, какъ графъ и графиня К. и другихъ. Въ такихъ условіяхъ прошли еще одинъ день и ночь!

На другое утро мы рѣшили выдать изъ всей группы нашихъ представителей; были выбраны сенаторъ Ивановъ, баронъ Каульбарсъ и прис. пов. Шліосбергъ; благодаря имъ мы наконецъ узнали, что насъ теперь намѣрены направить къ шведской границѣ, и какъ только получится извѣстіе, что насъ Швеція приметъ, то насъ отправятъ.

Переночевали еще одну ночь и на другое утро двинулись къ Засницѣ, гдѣ усадили насъ на пароходъ.

Несмотря на всѣ пережитыя мученія и нравственныя волненія, мы подбодрились и вздохнули съ облегченіемъ отъ сознанія, что мукамъ нашимъ пришелъ конецъ.

И вотъ наконецъ на 12-й день нашего странствованія, не имѣя возможности за все время ни вымыться, ни переѣхать бѣлье, потерявъ весь багажъ, мы перебрались черезъ Стокгольмъ на Финскій берегъ до ст. Раума, а оттуда по желѣзной дорогѣ до Петербурга.

Скульпторша М. Диллонъ.

Изверги-садисты.

Въ Петербургскихъ газетахъ появилось слѣдующее „письмо въ редакцію“:

Въ маѣ этого года я поступилъ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, ученикомъ бердянскаго мореходнаго училища, Александромъ Васильевичемъ Андреевымъ на грузовой нѣмецкій пароходъ „Оскаръ“. Мы возили пшеницу изъ Новороссійска въ Гамбургъ. Команда вся была нѣмецкая, кромѣ одного угольщика негра.

До объявленія войны отношеніе экипажа было замѣчательно дружеское. 19-го іюля (1-го августа по н. ст.) мы во время перехода въ Сѣверномъ морѣ узнали случайно отъ встрѣтившагося парусника о мобилизаціи флота и о начинающейся войнѣ.

Первый штурманъ „Оскара“ пришелъ въ дикую ярость и разразился потокомъ брани по адресу Россіи и русскихъ. Мой товарищъ въ это время крѣпилъ шлюпку на спардекѣ; я былъ на бакѣ. Я сразу догадался въ чемъ дѣло, когда увидалъ штурмана подлѣ моего товарища. Съ ужасомъ я увидалъ, какъ штурманъ ударилъ въ затылокъ кулакомъ ничего не подозревавшего товарища. Я вытащилъ ножъ и бросился на спардекъ, на помощь товарищу, но нѣсколько матросовъ преградили дорогу и на меня посыпались удары. Послѣ одного удара въ голову, у меня потемнѣло въ глазахъ и я не могъ защищаться.

Меня поволокли въ клозетъ и подъ дикій вопль всей команды мазали человѣчьимъ каломъ. Потомъ по распоряженію капитана Августа Вука, меня и моего товарища привязали шкотами къ борту и выбросили за бортъ: выкупаться. Потомъ моего товарища откачивали, сломавъ ему нѣсколько реберъ и вывихнувъ руку.

21-го іюля пришли въ Гамбургъ. Эти трое сутокъ до Гамбурга нѣмцы выдумывали самыя невозможныя вещи глумленія надъ нами. Кромѣ плевокъ и пощечинъ, нѣмцы заставили

негра противуестественно насъ насиловать. Все это привѣтствовалось восторженнымъ хохотомъ. До 21-го еще не объявляли военно-плѣнными застрѣвшихъ русскихъ моряковъ, и я поспѣшилъ бѣжать, бросивъ на произволъ судьбы нѣмцевъ моего умирающаго товарища, оставивъ всѣ документы о плаваніи въ ихъ рукахъ.

Въ добавленіе я могу только пожалѣть, что у насъ не принимаютъ во флотъ волонтеровъ. Такимъ образомъ, я почти лишенъ возможности отмстить нѣмцамъ, въ частности командѣ „Оскара“.

Штурманъ каботажнаго плаванія

Ив. Андр. Носовъ.

Двѣнадцатилѣтній мальчикъ—жертва нѣмецкаго озвѣрѣнія.

Изъ образованнаго въ Петербургѣ комитета для призрѣнія прибывающихъ изъ-за границы евреевъ сообщаютъ о томъ что, въ прибывшей партіи есть 12-лѣтній мальчикъ, сынъ рижскаго профессора, Куртъ Симони.

Мальчикъ былъ присоединенъ къ этой партіи самымъ невѣроятнымъ образомъ.

Въ Кенигсбергѣ ночью въ окно тюремной камеры, въ которой содержалось нѣсколько русскихъ, вдругъ влетѣлъ брошенный кѣмъ-то ребенокъ.

Сильно ушибленный, мальчикъ потерялъ сознаніе. Придя въ себя, онъ объяснилъ, что жандармы схватили его, приволокли къ тюрьмѣ и со всей силы швырнули въ окошко.

Насколько озвѣрѣли нѣмцы, видно изъ того, что мальчикъ изъ нѣмецкой семьи, лютеранинъ и говорить почти исключительно по-нѣмецки.

Но безуміе, охватившее нѣмцевъ, не даетъ имъ разбираться въ томъ, что они дѣлаютъ.

Мальчика, получившаго сильное душевное потрясеніе, привезъ съ собой рабочій, возвратившійся послѣ долгихъ мытарствъ въ Петербургъ.

Комитетъ выяснитъ мѣстопробываніе родителей мальчика и отправить его въ Ригу.

Изъ письма группы русскихъ къ шведскому посланнику.

„Застигнутые въ Германіи объявленіемъ войны и обязанные полиціей немедленно выѣхать за границу, мы въ понедѣльникъ, 21 іюля (4 августа),

выѣхали изъ Берлина въ Сасницъ и испытали, а еще болѣе наблюдали такую варварскую жестокость нѣмцевъ къ русскимъ и слышали отъ очевидцевъ такіе ужасы (какъ, на-примѣръ, о гнусномъ насиліи въ вагонѣ нѣмецкими офицерами надъ двумя четырнадцатилѣтними дѣвочками, или о разстрѣляніи въ Сасницѣ на глазахъ толпы русскихъ двухъ русскихъ за то, что они громко высказали негодованіе за жестокое обращеніе съ ихъ женами и дѣтьми), что подавленные всѣмъ этимъ мы, какъ и всѣ наши спутники, ѣхали въ Швецію совсѣмъ больными“.

14 ранъ—отъ нѣмецкихъ патріотовъ.

Изъ Берлина вернулась въ Петербургъ партія бѣглецовъ, среди которыхъ находится и студентъ Б., обучавшійся въ берлинскомъ университетѣ.

Вотъ что онъ рассказываетъ о пережитыхъ часахъ среди „культурныхъ“ нѣмцевъ“:

— „У меня было много пріятелей среди нѣмецкаго студенчества, съ которыми мы довольно часто проводили весело время. Въ моментъ объявленія войны всѣ эти „друзья“ сразу же измѣнили ко мнѣ свое отношеніе и встрѣтили меня страшными ругательствами, плевками въ лицо и криками:

— Шпіонъ, русскій шпіонъ!..

Не успѣлъ я вырваться отъ озвѣрѣлыхъ моихъ „пріятелей“,—какъ ко мнѣ подбѣжалъ нѣмецкій шуцманъ и нанесъ мнѣ нѣсколько ранъ по головѣ.

Пока я выбрался изъ предѣловъ Германіи,—я получилъ 14 ранъ отъ германскихъ патріотовъ, возненавидѣвшихъ русскихъ съ момента объявленія войны Россіи“.

Въ Кенигсбергѣ избивали русскихъ студентовъ-медиковъ, которые забирали свои матрикулы.

Нѣмецкія звѣрства въ Калишѣ.

Палачи и грабители.

„Варшавскій Дневникъ“ сообщаетъ:

„Одинъ изъ пережившихъ всѣ ужасы первой и второй прусской стрѣльбы въ Калишѣ сообщилъ намъ слѣдующія подробности ужасныхъ дней.

Во вторникъ были арестованы около 300 чел. и заключены въ сараѣ. 40 час. они были безъ воды, а когда нѣкоторые осмѣливались

просить напиться, получали въ отвѣтъ, что могутъ получить вмѣсто воды только ядъ. Это все сопровождалось бранью.

Въ среду вечеромъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, замѣтивъ, что охрана оставила сарай и ушла за городъ, топоромъ открылъ двери и выпустилъ всѣхъ арестованныхъ.

Послѣ бомбардировки, въ пятницу, нѣмцы подожгли магистратъ. Кто пытался тушить, того ждала смерть.

На другой день нѣмцы стали выводить мужчинъ изъ домовъ на Вроцлавской улицѣ, приказывая всѣмъ поднять руки вверхъ, и повели такъ по направленію къ Скальмержицамъ. Собралось 850 чел.

Всѣмъ имъ говорили, что остается до разстрѣла 15 мин., затѣмъ—10 мин., 5 мин., наконецъ 3 мин.,—какъ пріѣхалъ майоръ Пройстеръ и объявилъ, что, хотя по закону всѣ должны быть подвергнуты разстрѣлу, но германскій народъ—благородные рыцари и императоръ Вильгельмъ прощаетъ виновныхъ.

При этомъ онъ потребовалъ, чтобы всѣ прокричали: „Hoch Kaiser! Deutschland über alles!“ Нѣкоторые изъ несчастныхъ исполнили гнусное требованіе палача-майора, боясь, что въ случаѣ отказа, онъ ихъ убьетъ.

Нѣмцы объявили, что имущество жителей въ полной безопасности и что можно открывать торговые заведенія.

Одинъ изъ владѣльцевъ, Берлинеръ, открылъ лавку съ винами и всякими припасами, прусскіе солдаты вошли, напились и наѣлись, а затѣмъ закололи штыками сына Берлинера, самого его тяжело ранили, весь же домъ въ концѣ концовъ подожгли.

Въ лавкѣ Шадковского то же сдѣлала другая группа „культуртрегеровъ“, гдѣ въ результатъ угощенія мужъ и жена Шадковскіе пали убитыми.

Въ домѣ Щецинскаго на Главномъ рынкѣ пруссаки перебили всѣхъ мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей. Но это еще не все: у убитаго Френкеля нѣмцы взяли 8,000 руб., т. е. ограбили трупъ.

Пословамъ лица, сообщавшаго намъ приведенныя выше свѣдѣнія, майоръ Пройстеръ—блондинъ съ просѣдою, высокаго роста, бритый, съ немного подстриженными усами, лѣтъ 40—45.

Издѣвательства и убійства.

Много подробностей о варварскомъ поведеніи нѣмцевъ въ Калишѣ раз-

сказываетъ редакторъ калишской „Gazety“, нынѣ находящійся въ Варшавѣ.

Оказывается, что во время переполоха въ первую ночь по прибытіи нѣмцевъ въ Калишъ одинъ нѣмецкій патруль по ошибкѣ стрѣлялъ въ нѣмецкихъ же солдатъ.

Майоръ Пройстеръ обвинилъ въ обстрѣлѣ солдатъ населеніе. Было согнано къ зданію магистрата около 200 чел.

Имъ приказано было лечь лицомъ въ землю. Кто поднималъ голову, того били нещадно прикладами. Президентъ города Буковинскій тоже принужденъ былъ лежать на землѣ, уткнувшись въ нее лицомъ.

Глумленіе продолжалось полтора часа. Всѣ ожидали разстрѣла; въ присутствіи этихъ несчастныхъ людей были разстрѣляны курьеры магистрата, акцизный чиновникъ, казначей Соколовъ.

По полученіи контрибуціи въ 50.000 р. неожиданно для всѣхъ началась бомбардировка города изъ пушекъ.

Солдаты, проходившіе по улицамъ, стрѣляли въ окна. Отъ такой беспорядочной стрѣльбы погибли нѣкій Батковскій, дворникъ и др.

Улицы Варшавская, Вроцлавская, Рыбная, Рынокъ, Аллея Жозефины сильно пострадали отъ стрѣльбы. Одно ядро ударило въ крышу францисканскаго костела. Лучшія зданія носятъ на себѣ слѣды варварскаго разрушенія.

Трагическая смерть скромнаго героя.

Послѣ долгихъ скитаній добралась до Петербурга бѣжавшая изъ Калиша вмѣстѣ съ пятью дѣтьми послѣ трагической гибели калишскаго губернскаго казначея вдова его Елизавета Николаевна Соколова. Г-жа Соколова рассказываетъ полную ужаса скорбную повѣсть пережитыхъ ею несчастій.

...Съ большой тревогой ожидали мы начала военныхъ дѣйствій... Всѣ говорили, что Нѣмцы возьмутъ насъ въ плѣнъ... Мы начали запасаться продуктами... Нѣсколько разъ до начала военныхъ дѣйствій я съ дѣтьми собиралась уѣхать изъ Калиша и даже мы посылали за извозчикомъ, но всякій разъ отправляли его, такъ какъ больно было въ такой тяжелый моментъ оставлять мужа, который по долгу службы, не могъ уѣхать изъ Калиша.

19 іюля въ два часа ночи, мой мужъ получилъ телеграмму отъ во-

еннаго министра, въ которой генераль-адъютантъ Сухомлиновъ сообщалъ о началѣ военныхъ дѣйствій. Нѣсколько времени спустя непріятель взорвалъ мостъ и съ этой поры для всѣхъ стало ясно, что нѣмцы близъ Калиша.

За послѣдніе десять дней у мужа было очень много работы и онъ почти не покидалъ казначейства. Съ субботы на воскресенье мужъ мой оставался въ казначействѣ до пяти часовъ утра. Я провела ночь возлѣ него и подъ утро мы вмѣстѣ направились домой.

Для мужа, какъ и для другихъ чиновниковъ было ясно, что спасенія нѣтъ и что всѣмъ намъ придется быть въ плѣну у нѣмцевъ. Мужъ еще за нѣсколько дней до прихода германскаго войска пріобрѣлъ себѣ статскую шляпу. Почти всѣ чиновники сняли форму и только нѣсколько человѣкъ не успѣли сдѣлать этого.

Мы пришли домой крайне усталые и легли отдохнуть.

Въ воскресенье подъ вечеръ показались нѣмцы. Они вошли въ городъ мирно и ихъ встрѣтили безъ всякаго сопротивленія. У многихъ солдатъ, по большей части поляковъ, и офицеровъ были знакомые, которые угощали ихъ пивомъ и бесѣдовали съ ними по-польски. Солдаты говорили, что не будутъ стрѣлять, а если и придется, то лишь въ воздухъ, причемъ замѣчали: „боятся вамъ нечего... Вѣдь мы христіане и христіанъ убивать не станемъ“.

Воскресенье прошло спокойно, хотя къ вечеру мы узнали, что пришедшія войска, составленныя изъ поляковъ, будутъ замѣнены саксонцами. Это извѣстіе быстро облетѣло городъ и произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе.

Дѣйствительно въ понедѣльникъ слухи оправдались. Въ городъ вошелъ небольшой отрядъ саксонцевъ. Началась стрѣльба изъ пулеметовъ, причемъ стрѣляли безъ всякаго повода, видимо желая навести панику на мирныхъ жителей. Въ тотъ же день съ быстротой молніи разнеслась вѣсть о томъ, что нѣмцы убили еврейскаго раввина и его старшаго сына... Мы узнали также, что много людей арестовано и что по городу бродятъ нѣмецкіе шпионы, причемъ нѣкоторые изъ нихъ переодѣты въ женскія платья. Сообщили также объ арестѣ нашего про-

тоіерея отца Семеновскаго и католическаго ксендза—глубокаго старца... Мѣстные жители передавали, что раввинъ и его сынъ были въ сопровожденіи солдатъ отведены на площадь магистрата и одинъ изъ германскихъ офицеровъ застрѣлил раввина и его сына изъ револьвера на глазахъ большой толпы.

Шпионы прекрасно были осведомлены, гдѣ жили русскіе чиновники, и указывали офицерамъ ихъ квартиры, куда и направлялись нѣмцы въ поискахъ денегъ и оружія.

Изъ устъ въ уста передавались чудовищные поступки германскихъ офицеровъ и солдатъ. Встрѣчая мѣстныхъ жителей, они шутя заставляли ихъ становиться у забора, а затѣмъ стрѣляли въ нихъ.

Я сама видѣла, какъ солдаты ружьями пугали крошечныхъ дѣтей. По улицамъ были расклеены приказанія коменданта города, которыя часто мѣнялись. Сначала комендантъ требовалъ, чтобы всѣ окна были закрыты. Затѣмъ это было отмѣнено. Послѣдовало приказаніе, чтобы вечеромъ всѣ окна освѣщались. Намъ сообщили, что нѣмцы будутъ отправлять мужчинъ отъ 15 до 50 на службу въ германское войско. Комендантъ приказалъ перемѣнить русскіе паспорта на германскіе... Требованиямъ его не было конца, и въ городѣ сразу поднялась неопикуемая паника. Стрѣльба изъ пулеметовъ продолжалась. Нѣсколько женщинъ были убиты.

Въ понедѣльникъ вечеромъ мы поняли, что намъ не спастись, и рѣшили провести ночь съ дѣтьми въ подвалѣ. Подъ утро снова раздавались выстрѣлы, а затѣмъ, какъ будто все стихло. Около двѣнадцати часовъ дня я стала готовить обѣдъ... Раздались стуки въ дверь. Я почувствовала нѣчто недоброе и рѣшила не открывать... Стукъ повторился... Кто-то сталъ ломиться и я поняла, что спасенія нѣтъ... Я открыла дверь. Вошедшій германецъ, окруженный пятаю солдатами, направилъ на меня револьверъ. Мужъ мой, усталый отъ безсонной ночи, отдыхалъ въ спальнѣ... Нѣмцы ворвались въ комнату и стащили мужа съ кровати, приказавъ ему слѣдовать за ними. Онъ безпрекословно повиновался. Я пошла за нимъ... Нашъ довели до моста... Тутъ мнѣ заявили, что я должна возвратиться домой, такъ какъ моего мужа поведутъ на допросъ къ коменданту... Всѣ мои мольбы о томъ, чтобы меня не разлучали съ мужемъ,

остались безъ вниманія... Въ теченіе получаса я какъ сумасшедшая металась по городу. Въ концѣ концовъ я пробралась къ магистрату. Здѣсь находился комендантъ города Преслеръ. Я спросила его, какая участь постигла моего мужа? Германскій офицеръ отвѣтилъ: „Если онъ живъ, то вернется домой, а если онъ мертвый, то вы его найдете“... Тутъ же я узнала, что мужъ мой былъ убитъ однимъ изъ германскихъ офицеровъ. Трупъ его былъ опознанъ на площади магистрата... Рядомъ съ нимъ лежалъ обезглавленный трупъ неизвѣстнаго. Цѣлая улица вблизи магистрата была полна трупами русскихъ... Я спрашивала, за что убили моего мужа? Нѣмцы не хотѣли отвѣчать и только одинъ офицеръ замѣтилъ: „Даромъ нѣмцы никого не убиваютъ“. Оказалось, что комендантъ требовалъ отъ моего мужа выдать наличность кассы казначейства... Мужъ заявилъ, что оставшаяся въ казначействѣ сумма въ полмилліона рублей кредитными бумажками уничтожена имъ, а вексельная бумага и марки облиты сѣрной кислотой.

Я обратилась къ германскимъ офицерамъ съ просьбой о разрѣшеніи похоронить мужа, но они отказали мнѣ въ этомъ и онъ былъ погребенъ санитарной комиссіей.

Нѣмцы разстрѣляли также и пристава Костенко и многихъ другихъ чиновниковъ, погребенныхъ затѣмъ въ братскихъ могилахъ.

Со вторника до субботы я находилась въ Калишѣ. Нѣмецкія войска постепенно покидали городъ, при чемъ солдаты рыли окопы и устраивали волчьи ямы.

Ужасную ночь провела я вмѣстѣ съ моими дѣтьми съ пятницы на субботу... Все время доносились выстрѣлы... Домъ нашъ дрожалъ... Надъ городомъ стоялъ туманъ отъ дыма пороха... Начались пожары... Съ улицы доносились рыданія женщинъ и дѣтей... Подъ утро выстрѣлы прекратились... Мнѣ рассказывали, что въ эту ночь нѣмцы поставили вплотную одинъ за другимъ десять русскихъ жителей Калиша и съ криками: „смотрите, какъ сильно бьютъ наши пули“, стрѣляли въ несчастныхъ. Въ субботу, утромъ, я рѣшила во чтобы то ни стало вмѣстѣ съ дѣтьми покинуть Калишъ. Чиновникъ казначейства Царевъ, какимъ-то чудомъ избѣгнувшій разстрѣла, помогъ мнѣ выполнить мое желаніе.

Разсказъ о Калишскихъ ужасахъ вдовы убитаго купца г-жи Френкель.

Черезъ Петербургъ проѣхала вдова убитаго германскими офицерами въ Калишѣ богатаго мѣстнаго промышленника, г-жа Френкель.

Убитая горемъ женщина рассказываетъ, что ея мужъ былъ схваченъ германскимъ разъѣздомъ, офицеры котораго потребовали отъ него денегъ.

Когда онъ отказалъ, заявивъ, что всѣ деньги его вывезены, его взяли вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками военно-плѣнныхъ изъ состава мирнаго населенія.

Когда эту группу плѣнныхъ вели солдаты подъ командой двухъ офицеровъ, у одного изъ солдатъ отъ неосторожнаго обращенія выстрѣлила винтовка.

Тогда офицеры приказали всѣмъ плѣннымъ лечь и, выкативъ на главную улицу полевое орудіе, начали стрѣлять.

Этой безцѣльной бомбардировкой, кромѣ многихъ мирныхъ жителей, убито 8 прусскихъ солдатъ и 43 человѣка изъ германскаго отряда ранены. Разрушено и подожжено нѣсколько домовъ.

Отъ летѣвшихъ надъ головами легшихъ на землю плѣнниковъ снарядами, Френкель впалъ въ глубокій обморокъ.

Когда всѣ плѣнники поднялись, остался лежать лишь Френкель.

Одинъ изъ офицеровъ выхватилъ у солдата ружье и ткнулъ лежащаго штыкомъ въ бокъ. Ударъ дошелъ до сердца.

Когда г-жа Френкель нашла среди убитыхъ трупъ своего мужа, она замѣтила, что мизинецъ лѣвой руки, на которомъ убитый носилъ кольцо съ крупнымъ брилліантомъ, былъ отрубленъ.

Недѣля ужасовъ въ Калишѣ.

Бесѣды съ прибывшими въ Петербургъ страдальцами-калишанами.

Въ Петербургъ прибыло нѣсколько русскихъ поляковъ, пробывшихъ въ Калишѣ цѣлую недѣлю уже послѣ занятія города германцами и бывшихъ очевидцами ужасовъ, творимыхъ извергами-нѣмцами.

Разсказы г. Розвадовскаго, г-жи Пикъ и другихъ калишанъ леденятъ кровь.

I.

Надежды на „культурность“ нѣмцевъ.

— Вы спрашиваете, почему мы не бѣжали до занятія города нѣм-

цами? По весьма простой причинѣ. Мы были увѣрены, что въ XX вѣкѣ невозможно нападеніе воюющаго врага на безоружныхъ мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей.

Но мы жестоко ошиблись, рассчитывая на пресловутую „германскую культуру“.

Исторія безпричинной бомбардировки города вамъ, вѣроятно, уже извѣстна, также какъ и провокація нѣмцевъ, сначала произведшихъ нѣсколько выстрѣловъ, а затѣмъ заявившихъ, что въ нихъ стрѣляли, и подъ этимъ предлогомъ потребовавшихъ контрибуцію. Подъ этимъ же предлогомъ нѣмцы затѣмъ и разстрѣливали безоружное, беззащитное населеніе.

Надо замѣтить, что въ первый день своего вступленія въ городъ, нѣмцы старались быть человѣчными и корректными.

Возможно, что это объяснялось присутствіемъ въ отрядѣ поляковъ. Затѣмъ, какъ говорятъ, польскій отрядъ этотъ былъ замѣненъ чистокровными нѣмцами.

II.

Разстрѣлы.—Трупы на улицахъ.

Разстрѣлы начались на второй день. Германскіе звѣри врывались въ дома, совершали насилія и разстрѣливали жителей въ упоръ.

Отчаяніе населенія, сознавашаго свое безсиліе (нѣмцы отобрали все оружіе), не поддается описанію.

Женщины взывали къ мщенію за убитыхъ отцовъ, дѣтей и братьевъ. На улицахъ валялись непогребенные трупы, которыхъ нѣмцы не позволили хоронить.

III.

Жену хотѣли застрѣлить за желаніе подойти къ трупу мужа.

Когда жена одного изъ убитыхъ ни въ чемъ неповинныхъ жителей захотѣла подойти къ трупу своего мужа, то нѣмцы не позволили, преградивъ ей путь.

Въ отчаяніи она силою хотѣла прорваться къ трупу мужа.

Солдатъ-нѣмецъ хладнокровно напавъ на нее дуло ружья и сказалъ, что тотчасъ-же застрѣлитъ, если она не уйдетъ...

Въ голосѣ говорящихъ слышны слезы, когда они рассказываютъ нѣкоторые факты изъ кровавой эпопеи нѣмцевъ.

IV.

Разстрѣлъ отца, матери и двухъ малютокъ.

По улицѣ проходилъ житель города со своей женой и двумя маленькими дѣвочками. Нѣмцы безъ всякой причины выстрѣлили въ взрослыхъ. Когда на смерть перепуганныя дѣти въ ужасѣ закричали, слыша выстрѣлы и видя корчащагося тѣла убитыхъ отца и матери, то нѣмцы убили и дѣтей...

Многіе жители все еще не покидали города, боясь, что нѣмцы ихъ убьютъ на дорогѣ. Но наступила ужасная ночь, когда по городу было сдѣлано до 600 выстрѣловъ изъ орудій. Дома пылали. Груды труповъ валялись среди развалинъ разрушенныхъ домовъ...

Жители, не взирая на опасность, стали убѣгать изъ города. Большую помощь несчастнымъ бѣглецамъ оказали окрестные крестьяне, предоставившіе своихъ лошадей несчастнымъ калишанамъ.

V.

Нѣмцы-насилъники.

По поводу разстрѣла еврейской дѣвушки Зеймъ прѣхавшіе изъ Калиша передаютъ:

Лейтенантъ требовалъ отъ дѣвицы Зеймъ, въ домѣ родителей которой ему было отведено помѣщеніе, чтобы она отдалась, увѣряя, что этимъ онъ дѣлаетъ ей честь, такъ какъ она, благодаря ему, родитъ первая въ Калишѣ будущаго подданнаго германской имперіи.

За это подлое издѣвательское предложеніе дѣвица Зеймъ дала лейтенанту пощечину и была разстрѣлана.

Разстрѣляли и двухъ ея братьевъ. Въ православную церковь и въ костелы пруссаки входили въ каскахъ и искали на святыхъ престолахъ, не спрятано-ли тамъ оружіе.

Нѣмцы въ Ченстоховѣ.

Митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей Ключинскій получилъ отъ настоятеля Ясногорскаго монастыря слѣдующее донесеніе:

При вторженіи нѣмцевъ въ Ченстоховъ, новые хозяева, явившись къ настоятелю Ясногорскаго монастыря, потребовали отъ него денегъ. Получивъ отказъ, нѣмцы сняли съ иконы Божіей Матери золотой, усыпанный брилліантами, вѣнецъ, подаренный монастырю папою римскимъ и драгоценный крестъ, преподнесенный въ даръ Сигизмундомъ.

За послѣдніе дни въ Петербургъ прибыло около сотни бѣглецовъ изъ Ченстохова, покинувшихъ городъ послѣ появленія въ немъ нѣмцевъ. Почти всѣ прибывшіе поляки. Въ одинъ голосъ они утверждаютъ, что рассказы о звѣрствахъ нѣмцевъ въ занятыхъ ими городахъ и селеніяхъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Передаемъ со словъ одного изъ бѣглецовъ эпизодъ изъ области взаимоотношеній „побѣдителей“ и „побѣжденных“—нѣмцевъ и поляковъ.

На другой же день послѣ появленія нѣмцевъ въ Ченстоховѣ, среди поляковъ распространился упорный слухъ, что нѣмецкіе солдаты устроили ночью въ стѣнахъ Ченстоховскаго Ясногорскаго монастыря, святыни всей Польши, безобразную оргію.

Религіозное чувство поляковъ было поругано такъ, какъ оно не подвергалось поруганію въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Польскія женщины надѣли траурныя платья. А нѣмцы смѣялись и вслухъ глумились надъ вѣрующими, съ циничной откровенностью рассказывая имъ о томъ, какъ они „хорошо“ провели ночь въ Ченстоховскомъ монастырѣ. Духовенство монастыря до того перепугалось, что боялось выйти на улицу и нельзя было провѣрить, правду-ли рассказываетъ молва объ оргіи нѣмцевъ или это просто циничное нѣмецкое хвастовство. Такъ или иначе, но среди польскаго простонародья началось глухое броженіе...

Въ ту же ночь, нѣмецкій кавалерійскій патруль изъ 5 человекъ, развѣзжающій около монастыря, подвергся обстрѣлу со стороны польскихъ добровольцевъ, мѣстныхъ жителей. Трое изъ патруля были убиты на мѣстѣ. Когда на выстрѣлы прискакалъ отрядъ нѣмцевъ, то польскіе дружинники уже скрылись на коняхъ.

Затѣмъ началась мсть нѣмцевъ. Не поймавъ виновниковъ, нѣмцы открыли беспорядочную пальбу по городу. Несомнѣнно, что пальба по городу въ теченіе 2—3 часовъ не обошлась безъ жертвъ. Число ихъ пока выяснить не удалось. Другой небольшой отрядъ нѣмцевъ поскакалъ искать виновныхъ. Съ той стороны, куда ускакалъ отрядъ, раздавались выстрѣлы. Передаютъ, что нѣмцы пристрѣливали всякаго встѣчнаго...

Австрійскіе баши-бузуки.

Въ Варшаву, какъ сообщаетъ „Варшавская Мысль“, прибылъ Красинскій, сынъ мѣщанскаго старосты городка Андреева, куда пришли австрійскіе отряды. Когда прибыли австрійскіе отряды, часть жителей успѣла уже убѣжать въ Кѣльцы, но съ оставшимися австрійцы жестоко расправились. Первымъ попался имъ въ руки мѣщанскій староста Антонъ Красинскій, почтенный почти 70-лѣтній старикъ. У него потребовали всѣ суммы, находящіяся въ его распоряженіи. Староста заявилъ, что у него не имѣется никакихъ суммъ. Тогда солдаты по приказанію офицера, поволокли старика въ мѣщанское управленіе. На пути къ нему на помощь бросился знакомый купецъ Ратай, который былъ немедленно разстрѣлянъ изъ револьверовъ тремя присутствовавшими при этомъ офицерами. Нѣмцы произвели тщательный обыскъ въ помѣщеніи мѣщанской управы и, ничего не найдя, заперли старика Красинскаго въ чуланъ, гдѣ хранился архивъ, и подожгли бумагу. Домъ сгорѣлъ, и въ немъ погибъ староста. Въ случайно выглядывавшихъ изъ оконъ жителей австрійскіе солдаты стрѣляли, причемъ былъ убитъ трехлѣтній ребенокъ почтальона. Отрядъ, производившій эту драганаду, достойную варваровъ, принадлежалъ къ частямъ кавалерійской дивизіи изъ-подъ Брюна.

Разрывныя пули.

Раненые въ пограничныхъ стычкахъ съ нѣмцами русскіе солдаты, подтверждаютъ предположеніе объ употребленіи нѣмцами разрывныхъ пуль. Даже ничтожныя раненія отъ этихъ пуль страшно мучительны и даютъ быструю гангрену. Употребленіе такихъ пуль, какъ извѣстно, запрещено женевской конференціей.

Жестокое хулиганство нѣмецкихъ моряковъ.

Письмо изъ Либавы.

Германскій крейсеръ „Аугсбургъ“ стрѣлялъ въ Либаву, когда на пляжѣ находилась масса нарядной публики, большая часть которой принадлежитъ къ мѣстнымъ нѣмецкимъ обывателямъ. Всѣ они съ интересомъ слѣдили за крейсеромъ, который подошелъ настолько близко къ берегу, что люди на суднѣ были сво-

бодно видны съ пляжа. Вдругъ онъ открылъ огонь по порту. Выпустивъ нѣкоторое количество снарядовъ въ портъ и между прочимъ нѣсколько снарядовъ специально въ госпиталь, крейсеръ выпустилъ затѣмъ два снаряда въ публику на пляжѣ.

Къ счастью, оба снаряда зарылись въ берегъ, выбросивъ на воздухъ громадные столбы песку; ни убитыхъ, ни раненыхъ не оказалось. Дамы, мужчины и дѣти, охваченные ужасомъ, конечно, бѣжали съ пляжа, проклиная германскихъ моряковъ.

Нѣмецкіе хулиганы стрѣляли въ нѣмецкія семьи.

Заключеніе.

Въ заключеніе мы приведемъ слѣдующія яркія строки изъ статьи г. Эль-Эсъ (Веч. Время):

Посмотрите, сколько льется крови! Я не говорю о той крови, что проливается въ честномъ бою и которая священна и для своего и для врага. Я говорю о той пролитой обильно крови, которая вызываетъ чувства возмущеннаго негодованія ужаса и жалости, переворачивающей сердце. Я говорю о крови мирныхъ жителей, не имѣвшихъ даже оружія въ рукахъ, слабыхъ, до полусмерти напуганныхъ женщинъ, невинныхъ беззаботныхъ дѣтей. Вотъ чью кровь льютъ обезумѣвшіе въ своей пресловутой „тевтонской ярости“ нѣмцы, съ пруссаками во главѣ. Всѣ вы читали про тѣ кровавыя гнусности, что творитъ теперь въ Германіи, главнымъ образомъ въ Берлинѣ и въ сферѣ его непосредственнаго вліянія, самый „передовой“ изъ нѣмецкихъ народовъ. Что это? Средніе вѣка или вновь настала эпоха тридцатилѣтней войны? Но въ средніе вѣка ужасъ и звѣрство смягчались, по крайней мѣрѣ, рыцарствомъ, ихъ вѣрностью своему слову, упоеніемъ боевыми подвигами, поклоненіемъ женщинѣ, святостью законовъ гостепріимства. А теперь видимъ мы вѣдь, какъ все одичаніе, оупѣлое неистовство наемныхъ разбойничьихъ бандъ, которыя подарила міру Германія въ лицѣ ландскнехтовъ, снова выплыло на свѣтъ Божій во всемъ своемъ мерзостномъ неистовствѣ. Развѣ не прусскіе офицеры, въ рядахъ которыхъ служить цвѣтъ нѣмецкаго дворянства, являются коноводами, руководителями, любителями тѣхъ подлыхъ развлеченій, когда, въ присутствіи цѣлой толпы хохочущихъ солдатъ, раздѣваютъ до нага женщину, потому что она высокаго

роста и, стало быть, можетъ оказаться переодѣтымъ солдатомъ? Это, видите ли, нѣмецкое остроуміе, такое же тяжелое, пошлое и злостное, какъ и налитая пивомъ фیزیомія прусскаго лейтенанта. Что должна пережить въ такіе минуты всякая порядочная женщина, что должна была перестрадать гордая стыдливость, опозоренная алчными взглядами грубой солдатни, нагота, сколько непередаваемого словами униженія и поруганія пришлось перенести! И въ то же время чувствовать свою полную угнетающую беззащитность среди этихъ жестокихъ развратныхъ дикарей! Да, беззащитность, потому что эти кровавые шуты умѣютъ звѣрски разнообразить свои забавы. Вотъ дѣвушка почтенной семьи. Пруссійскій лейтенантъ, соревнуя изобрѣтательности своего сотоварища, восхитившаго прусскихъ героевъ раздѣваніемъ высокой дамы, вдругъ заподозриваетъ въ барышнѣ шпіона. Ясно, что ее надо обыскать. Новое подлѣйшее глумленіе, но съ такими добавленіями, словно дѣло происходило не въ вагонѣ съ мужьями, женами и дѣтьми, а въ томъ публичномъ домѣ, въ которомъ прусскій лейтенантъ дополнитъ свое свѣтское воспитаніе и закончилъ свое духовное и моральное развитіе. Замѣтите, все это надругательство продѣлывается въ присутствіи престарѣлаго отца! А когда несчастный отецъ, забывъ про угрожающіе ему штыки, бросается на того подлеца, имя которому — прусскій лейтенантъ, и даетъ ему пощечину, то его тутъ же разстрѣливаютъ на глазахъ помѣшавшейся отъ униженія и горя дѣвушки. Смотрите же, не забудьте, русскіе люди, этой залитой кровью пощечины, запечатлѣнной на опухшемъ лицѣ всего нѣмецкаго офицерства и наложившей на погоны нѣмецкихъ офицеровъ неизгладимую печать поношенія и презрѣнія. Отнынѣ нельзя считать германскаго офицера равнымъ тѣмъ, кто съ такой справедливой гордостью и честью носить честные погоны русскаго офицера. Тѣ подлецы, въ прусской офицерской формѣ, не могутъ быть намъ равны по чести и достоинству. Никому изъ насъ и не представляется даже такая степень паденія, чтобы женщинъ, отданныхъ подъ охрану нашей чести и долга, мы могли подвергать такимъ мучительнымъ и отвратительнымъ нравственнымъ истязаніямъ. Но развлеченія германскихъ офицеровъ отнюдь не страдаютъ такимъ однообразиемъ: мученія физическія разнообразятъ

ихъ программу и, хотя неповоротливый, залитый пивомъ нѣмецкій мозгъ и не гораздъ на выдумки, зато кулакъ всегда кулакъ. И вотъ на бѣдныя, покорно склоненныя головы русскихъ женщинъ, среди которыхъ было столько нѣжныхъ, избалованныхъ, видѣвшихъ только почтительное обращеніе, вниманіе и заботу, опускаются тяжелые прусскіе кулаки. Какъ весело срывать съ русскихъ дамъ шляпы съ прядями волосъ, швырять избитыхъ женщинъ на землю, срывать съ оперированныхъ повязки и, оставляя ихъ истекающихъ кровью, бросать въ вонючіе подвалы, въ загаженные навозомъ скотобойни. Есть гдѣ разойтись побѣдной германской силѣ.

А вотъ еще образчикъ, изъ безчисленнаго числа подобныхъ, нѣмецкаго кроваваго шутства. Молодого человѣка, русскаго туриста, безпечно ходившаго по курорту и пощелкивавшего кодакомъ, вдругъ арестовываютъ и сажаютъ въ какую-то яму. Прусская полиція притворяется, будто она не сомнѣвается, что захватила опаснаго русскаго шпіона, который, видите ли, днемъ на виду всѣхъ занимался запрещенной съемкой. Чтобы веселѣе обставить эту забавную исторію, бѣдному юношѣ предупредительно объявляютъ, что если только у него найдутъ снимки мѣстностей и дорогъ, то его немедленно разстрѣляютъ, какъ несомнѣннаго шпіона. Сколько здѣсь тупоумнаго глумленія! Что же могъ снимать туристъ, какъ не виды, гдѣ, конечно, найдутся и дороги? И его заставляютъ томиться дни и ночи въ смертельной тоскѣ ожиданія безпощаднаго приговора, обставленнаго такими шутковскими пріемами. Наконецъ, развѣ не пріятно съ шумомъ, съ гамомъ, съ грубымъ, похожимъ на ржанье смѣхомъ, съ вонючими трубками въ зубахъ проходить по вагонамъ, набитымъ русскими изстрадавшимися бѣглецами, такъ довѣрчиво пріѣхавшими въ „дружественную“ страну и, тяжело ступая сапожищами, проходить буквально по тѣламъ лежащихъ въ проходахъ женщинъ и дѣтей. Несчастныя матери умоляютъ пощадить хотя бы грудныхъ дѣтей. Но какъ можно лишить себя такого удовольствія, когда подъ надавившимъ каблукомъ залется болѣзненнымъ крикомъ крошечное существо и хрустнетъ ручка или ножка. Нѣтъ силъ дальше продолжать. Гнѣвъ, жалость, возмущеніе, презрѣніе выбиваютъ перо изъ рукъ. Но вотъ, въ заключеніе, еще одна яркая картина, но уже на

театрѣ войны, на поприщѣ боевой славы и доблести, живущей кредитомъ былыхъ раздутыхъ побѣдъ германской арміи. Въ одномъ изъ пограничныхъ пунктовъ нѣмецкій развѣздъ захватилъ жену начальника мѣстнаго жандармскаго отдѣленія и потребовалъ отъ нея предательства: выдать расположеніе русскихъ войскъ. На мужественный отказъ славной русской женщины офицеръ, начальникъ развѣзда, приказалъ ее разстрѣлять! О, неужели голосъ отмщенія не дойдетъ до сердца русскихъ людей! Неужели часть возмездія еще не наступилъ для этихъ подлыхъ убійцъ и грабителей, истязавшихъ женщинъ и дѣтей, разстрѣливающихъ отцовъ, мужей и сыновей на глазахъ семьи, не сознающихъ въ неизмѣримой глубинѣ своей низости, что только низкій и презрѣнный врагъ не цѣнитъ доблести и клятвы вѣрности въ своемъ врагѣ! Почему не сообщили намъ имени этой высокой въ сознаніи своего долга передъ родиной русской женщины, имя которой должно быть увѣчено въ сердцахъ русскихъ людей? А мы, живые, должны помнить, что съ хищнымъ звѣремъ одна расправа — штыкъ и пуля!

Эпилогъ.

И сейчасъ еще тысячи русскихъ терпятъ въ Германіи страданія и униженія. Тысячи русскихъ на родинѣ думаютъ о своихъ близкихъ, оставшихся во вражеской странѣ и, можетъ быть, погибшихъ тамъ.

Всѣхъ тѣхъ, кого нѣмцы считаютъ своими военноплѣнными, посылаютъ на самыя ужасныя работы, не считаясь съ болѣзнью, старостью, непригодностью къ физическому труду, подкрѣпляя насиліемъ безстыдными издѣвательствами.

У насъ въ Россіи все это извѣстно; и все же нѣмцевъ съ удобствами отправляютъ „на покой“ въ дальніе города, съ ними обращаются вѣжливо, деликатно.

Нельзя иначе, потому что мы — не дикари, не обнаглѣвшіе пруссаки.

Не будемъ слѣдовать за ними на пути насилія и жестокостей, но будемъ всегда помнить ихъ гнусные подвиги. Мы должны освободиться отъ нѣмцевъ!

Не только къ нимъ не повеземъ больше своихъ денегъ, но и наша родина не будетъ больше для нихъ золотымъ дномъ, гдѣ они черпали свое благосостояніе. Долой нѣмцевъ! Долой палачей! Никакихъ дѣлъ съ нѣмцами. Помните объ этомъ, русскіе люди.

ВОЙНА.

1914 г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ВОЙНА.

Цѣна 6 коп.

20-ый ВѢКЪ

Сенсаціонный литературно-художественный
роскошно-иллюстрирован. еженед. журналъ

20-й ВѢКЪ-ВОЙНА

Каждый номеръ — специальный
ВОЕННЫЙ

содержитъ въ себѣ захватывающе-интересные военные
разсказы русскихъ и иностранныхъ авторовъ.—Разсказы-
корреспонденціи съ театра войны.—Разоблаченіе воен-
наго шпіонажа непріятельскихъ странъ.—Кошмары вой-
ны.—Война въ воздухѣ.—Война подъ водой.—Наши ге-
рои.—Военно-историческій альбомъ. ♡ ♡ ♡ ♡ ♡

Картины и рисунки на военныя темы.

ВООРУЖЕНІЯ ДРУЗЕЙ И ВРАГОВЪ.

Фотографіи собствен. корреспонд. съ театра войны.

Міровая война въ карикатурахъ.—Военныя статьи, мелочи,
юморески, анекдоты и т. д. . . . . Цѣна 6 коп.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА всѣхъ текущихъ номеровъ производится у всѣхъ
газетчиковъ столицъ и провинціи и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ
ЧЕТВЕРТЫЙ

Разоблачение утилизмы Калишского казначея Соколова.